

СТАНОВЛЕНИЕ

ЗВУЧАЛА песня. Раздольная, как необятные казахские степи, она плавно лилась со сцены в затихший зал. Певец, худенький, небольшого роста, вихрастый мальчишка-десятиклассник, казалось, совсем не волновался. Его обычно застенчивые глаза были широко и радостно распахнуты, глядели на зрителей даже с каким-то вызовом: вот он — я, вот моя песня, слушайте же ее, поймите и примите мою радость этой музыкой, этими словами...

Долго не смолкали аплодисменты. Член жюри республиканского конкурса самодельных артистов профессор консерватории Рабига Каныбаева спросила: «Кто это пел?» — «Сейчас узнаем, — ее сосед полистал программу, прочел: «Кажымуратов Сердеш, из Уральской области». Хорошо поет, верно?» — добавил он. «Не только его голос привлёк мое внимание, — ответила Каныбаева. — Посмотрите, как он держится на сцене — какая непринужденность, ни тени смущения...»

А Сердеш в это время сидел в гримировочной, с удивлением смотрел на пальцы своих рук: они почему-то дрожали. И сердце билось в груди гулко, словно барабан. Только теперь Сердеш начинал понимать, сколько усилий стоило ему это спокойствие, как старательно глушил он в себе волнение предконкурсных дней. Оставалось ждать, какое решение примет жюри. И, конечно, Сердеш и предполагать не мог, что в зрительном зале заведующая кафедрой театрального факультета консерватории Рабига Каныбаева взяла свой неизменный блокнот и вывела на листке его фамилию — Кажымуратов. Оныне его судьба сделает крутой поворот на все последующие годы, связав Сердеша с театральной сценой...

Но это будет позже. Пока же Сердеш идет в зрительный зал и, забыв о том, что и он участник столь праздничного концерта, во все глаза смотрит на сцену, где во всем своем многоцветье блистают народные таланты. И в который раз думает Сердеш, как богат песнями и танцами его народ, как они оптимистичны и жизнерадостны по своему содержанию. Джамбулцы, семипалатинцы, гурьевцы, карагандинцы — ансамбли, певцы и танцоры всей огромной земли казахской царят на сцене. Надолго запомнится Сердешу этот конкурс, где и его ждало звание лауреата. Диплом ему вручила Рабига Мукаева, сказав при этом: «Зайди ко мне, надо поговорить».

Тот, далекий теперь 1967 год, Сердеш вспоминает сейчас с двояким чувством. Он был радостен: Сердеш стал лауреатом, его пригласили на театральный факультет. И этот же год был ошеломляюще неудачным:

ЛЮДИ ИСКУССТВА

из-за нерасторопности работников районного отдела народного образования аттестат Кажымуратова задержался где-то в пути, и группа из 29 первокурсников театрального факультета Алма-Атинской консерватории выехала учиться в Московское училище им. Щепкина без Сердеша. Его огорчению не было предела. Сгорая он забрал документы и вскоре был уже дома, в родном совхозе.

Отец сказал ему только: «Ну, смотри, сынок, выбирай дорогу в жизни один раз. И ошибиться здесь можно тоже только один раз...». Сказал и вновь уехал в степь — он был знаменитый на всю область жылкышы, табунщик.

Лишь Амиржан, старший брат, недоумевал, расспрашивал, убеждал: «Как же так, Сердеш, получается? Ты с детства бегал в кружок художественной самодеятельности, пел и танцевал там, первые места в районе занимал. Сам уважаемый Шаке Молдагалиев, учитель пения, говорил мне, что тебе надо в Алма-Ату в консерваторию ехать. А теперь ты вернулся, поджавши хвост, как побитый пес, сидишь дома, ни в себя, ни в людей не веришь. Ты должен учиться, и ты будешь учиться. Пока год поработай, потом снова в Алма-Ату поедешь».

Сердеш слушал горячие слова старшего брата, сердцем понимал — Амиржан прав. В районе был неплохой театр, только что получивший звание народного, не раз и не два ходил Сердеш на его спектакли. Ему нравилась игра актеров, их хорошо поставленные голоса, выразительная мимика. Частенько, когда в доме все засыпало, Сердеш вскакивал с кровати, ходил по комнате, изображая того или иного героя пьесы. А мечта не оставляла, иголкой царапала сердце, да еще Амиржан, задавшийся целью сделать из братишки «артиста», ежедневно сыпал ему соль на рану:

«Ты же и поешь, и фигурой вышел, поезжай в Алма-Ату, еще раз попытай счастья, не убудет тебя от этого...»

ПЯТЬ лет учебы пролетели незаметно. В группе на курсе профессора Аскара Токпанова «взяли старт» 25 человек, десять за эти годы «отсеялись». Были учебные роли, практика в лучших театрах республики, поездки, впечатления... Росло и крепло радостное убеждение: жизненная дорога выбрана правильно, сцена захватила целиком. Не терпелось закончить учебу, начать самостоятельный творческий труд. О том, что он будет трудным, Сердеш догадывался. О том, что он начнется в Караганде, и думать не мог: театр города шахтеров — один из ведущих в республике и по составу актеров, и по репертуару, направляют в него лучших выпускников.

Помнится, кто-то сказал: «Талант складывается из трудолюбия, трудолюбия и еще раз трудолюбия». Красивое это слово, означающее — любить труд, любить свою работу, каждодневно сознавать, что она нужна людям, несет им радость. На этой основе живет все прекрасное в человеке.

Эту черту характера в Кажымуратове отмечают многие его коллеги по работе. Недолгому пребыванию актера на сцене предшествуют сотни часов репетиции. Поначалу Сердеш этого не понимал, точнее не принимал: он рвался на сцену, как застоявшийся конь, ему казалось, что он сумеет удивить, покориť зрителя своим напором, молодостью, плещущей через край энергией. И был доволен собой, пока однажды один из опытных актеров не заметил ему: «Показухой увлекаться, на эффект работать...». И словно что-то проснулось в душе у Сердеша, словно глаза открылись: а ведь действительно, время идет, ролей все больше, а той, в которой почувствовал бы себя на месте, той, кото-

рой бы зажил, — нет. Он был готов власть в уныние, но рядом — Каргаш Сатаев, Акдарбек Ибраев, Кайникен Алимбаев, Асия Аблаева. Актеры, на которых, образно говоря, и держится репертуар, на которых идет зритель. Они помогали словом, советом, шуткой. Они видели — Сердеш как актер начал расти словно в замедленной киносъемке, а в парне чувствуются незаурядные данные. И, наконец, рядом был друг — главный режиссер театра Жакып Омаров, также внимательно наблюдавший за становлением молодого актера, понимавший его потенциальные возможности. И вот случилось так, что замысел режиссера Омарова, вынашивавшего идею поставить на карагандинской сцене пьесу С. Муканова «Чокан Валиханов» и желание Кажымуратова, еще во время учебы мечтавшего сыграть эту роль, счастливо совпали.

Это была трудная работа. И потому, что 1977 год был вообще особенным, своего рода «звездным» в творческой биографии Кажымуратова — он сыграл главные роли в «Мои́х ровесниках» Е. Ерубашева и «Где ты, Зарина?» С. Шаймерденова, а в совместной работе казахского и русского областных театров «Чрезвычайный комиссар» Сердешу доверили роль Джангильдина.

И вот теперь — Чокан, фигура в казахской истории яркая, неповторимая. Блестящий царский офицер — и одновременно крупный ученый, исследователь, путешественник. Сын султана — и глубоко чувствующий нужды и беды своего народа просветитель. Большая дорога ждала Чокана, чей памятник высится на площади перед Академией наук Казахской ССР: болезнь оборвала эту многообещающую жизнь в 27 лет.

Автор не ставит себе целью рецензировать спектакль, премьеру которого прошла в декабре минувшего года. Об этой пьесе речь идет постольку, поскольку Кажымуратов предстал здесь в роли, крайне противоположной уже знакомой, полюбившейся — в «Чрезвычайном комиссаре». Максимум эмоций, кипение страстей в революционном водовороте событий и в центре фигура Джангильдина, сыгранная Кажымуратовым в совершенно иной манере: комиссар — сама сдержанность, принципиальность, а Чокан — кипучий, открытый и в радости, и в страдании...

Очень разные роли. И подготовлены в течение одного года.

Творческий путь Сердеша Кажымуратова, по сути дела, только начинается. Впереди у него еще много открытий, взаимно-радостных встреч со зрителями...

С. ИСКАКОВ.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Чокан Валиханов».

Фото Н. НОВИЧКОВА.